

Ахременко Инна Николаевна

магистр, старший преподаватель

УО «Белорусский государственный

педагогический университет имени Максима Танка»

г. Минск, Республика Беларусь

Панферова Елена Владимировна

канд. психол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Тульский государственный

педагогический университет им. Л.Н. Толстого»

г. Тула, Тульская область

**РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНОГО
РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНИКА: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ
ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ**

Аннотация: в статье представлен фундаментальный аналитический обзор проблемы влияния родительского отношения на становление личности ребенка в период дошкольного детства. Авторы проводят глубокую интеграцию классических и современных исследований российской и белорусской психологических школ, сопоставляя стратегические задачи Федеральной образовательной программы дошкольного образования РФ (ФОП ДО) и Учебной программы дошкольного образования Республики Беларусь с опорой на актуальное законодательство Союзного государства. В работе детально раскрывается многокомпонентная структура родительского отношения, глубоко анализируются психогенные механизмы патогенного влияния различных типов семейных дисгармоний на эмоциональное благополучие ребенка. Особое внимание уделяется процессам формирования деструктивных детских ролей, феноменам безусловного принятия, механизмам «двойных посланий» и эмоционального отвержения как базовым триггерам ранней детской невротизации. Обосновывается острая

необходимость перехода к модели эмпатийного партнерства в системе взаимодействия семьи и образовательной организации.

Ключевые слова: *родительское отношение, семейная дисгармония, дошкольный возраст, ФОП ДО, учебная программа дошкольного образования, социализация, детские роли, психологическое благополучие, невротизация.*

Социальная ситуация развития ребенка дошкольного возраста представляет собой сложнейшую, многоуровневую и динамически трансформирующуюся систему межличностных связей. Как фундаментально подчеркивал в рамках своей культурно-исторической концепции Л.С. Выготский, именно социальная среда выступает подлинным источником развития личности, а не просто фоновым условием ее биологического существования [2, с. 145].

В процессе онтогенеза ребенок постепенно включается в различные общественные институты, расширяя радиус своих социальных контактов, однако семья неизменно сохраняет за собой абсолютный статус доминирующей, первоочередной среды. В условиях последовательной гармонизации образовательного пространства Союзного государства, активного внедрения Федеральной образовательной программы дошкольного образования (ФОП ДО) в Российской Федерации [15] и реализации обновленной Учебной программы дошкольного образования в Республике Беларусь [14], опирающейся на актуализированный Кодекс Республики Беларусь об образовании [7], роль современной семьи подвергается глубокому и всестороннему методологическому переосмыслению.

Современная педагогическая психология и нормативно-правовая база обеих стран-партнеров рассматривают семью не только как естественную биологическую среду обитания ребенка, но и как полноправный, активный субъект образовательного процесса, несущий солидарную ответственность за качество социализации подрастающего поколения. Акцент делается на сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей, где здоровая семья выступает главным транслятором культурного кода нации. Именно в семейной системе ребенок проходит сложнейший, критически важный этап первичной социализации, где

повседневное поведение родителей, их спонтанные эмоциональные реакции и характер взаимных супружеских отношений создают ту базовую психологическую матрицу, на основе которой выстраивается все последующее взаимодействие формирующейся личности с окружающим макросоциумом.

Теоретический анализ фундаментальных трудов выдающихся представителей российской (А.И. Захаров, А.С. Спиваковская) и белорусской (Я.Л. Коломинский, Е.А. Панько) психологических школ позволяет с абсолютной уверенностью констатировать, что глубинные предпосылки развития сложнейших поведенческих форм, механизмов психологической защиты и стратегий совладания со стрессом возникают и жестко фиксируются именно в дошкольном возрасте исключительно в сфере детско-родительских отношений. Детско-родительские отношения представляют собой совершенно особый, ни с чем не сравнимый специфический опыт межличностного общения. Как прозорливо отмечал в своих классических исследованиях по социальной психологии детства Я.Л. Коломинский, семья является первой малой эталонной группой, внутри которой ребенок усваивает не только внешние поведенческие паттерны, но и сложную, многоуровневую систему эмоциональных привязанностей, определяющих в конечном итоге его социометрический статус и способность к адаптации в будущих коллективах сверстников [8, с. 45].

Этот уникальный первичный опыт глубоко интегрирует образы родителя и ребенка, сочетая в себе ряд уникальных феноменологических характеристик: высочайшую эмоциональную значимость для обеих сторон коммуникативного процесса, неизбежную жизненную амбивалентность (закрывающуюся в сложном, порой парадоксальном переплетении безусловной и условной любви), высокую структурную изменчивость, объективно продиктованную нормативными возрастными кризисами развития, а также относительную непрерывность и хронологическую длительность во времени.

Выдающийся отечественный психолог Л.И. Божович в своих программных трудах убедительно доказывала, что фундамент всей мотивационной сферы и

внутренней личностной позиции закладывается именно через интериоризацию отношений со значимыми взрослыми [1, с. 210].

С точки зрения современной семейной психологии родительское отношение – это не просто набор воспитательных приемов, а сложнейшая интегративная педагогическая и социальная установка по отношению к детям, включающая в себя четыре неразрывно связанных базисных компонента.

Мотивационный компонент этой системы опирается на глубинные витальные инстинкты, экзистенциальную потребность в продолжении рода, а также на разветвленную систему личностных ожиданий и социокультурных стереотипов, которые предопределяют предрасположенность взрослого к определенному, зачастую искаженному осмыслению поведения собственного ребенка. Родитель часто бессознательно проецирует на ребенка собственные нереализованные амбиции, что искажает мотивационную базу воспитания.

Когнитивный компонент кристаллизуется в представлении образа так называемого «идеального ребенка», в осознании родителем своих функциональных обязанностей и в способности (или неспособности) к рациональной, объективной оценке качеств собственного малыша.

Поведенческий компонент манифестируется в степени согласованности воспитательных позиций матери и отца, в выбираемых ими конкретных стратегиях дисциплинарного воздействия и преобладающем стиле воспитания.

Наконец, эмоциональный компонент, являющийся пульсирующим ядром всего родительского отношения, отражает общий фон удовлетворенности семейным взаимодействием и доминирующую аффективную окраску повседневного общения.

В процессе сложной, многовекторной психологической рефлексии детско-родительских отношений традиционно выделяются четыре базовые позиции, всецело характеризующие взаимное отображение субъектов воспитательного процесса: ребенок, каким он видится субъективному взору родителя; родитель, каким он критически воспринимает самого себя; родитель, каким он видится в глазах растущего ребенка; и, наконец, сам ребенок, каким он видит себя в зеркале

ежедневных родительских реакций. Благоприятные, подлинно гармоничные взаимоотношения формируются лишь тогда, когда между этими четырьмя экзистенциальными позициями нет критических, болезненных разрывов. Такие здоровые отношения подразумевают наличие устойчивой потребности во взаимном общении, искреннюю откровенность, способность к глубокому эмпатийному пониманию и готовность к равноправному эмоциональному диалогу, исключаящему диктат грубой силы.

Напротив, эмоционально холодные, дистанцированные и отвергающие родители, систематически злоупотребляющие вербальной агрессией, сарказмом и физическими наказаниями, формируют у детей глубокий, труднопреодолимый пессимизм и тотальное недоверие к мирозданию. Современные белорусские исследователи, в частности А. Оболевич, особо подчеркивают, что именно хронический дефицит эмоционального контакта между образовательным учреждением и законными представителями многократно усугубляет риски социальной дезадаптации дошкольника, лишая его необходимой психологической опоры в момент возрастных кризисов [11, с. 6].

Сложность, непредсказуемость и многогранность внутрисемейной жизни наиболее ярко и драматично раскрывается через системный клинико-психологический анализ типов семейных дисгармоний, каждая из которых оказывает специфическое, разрушительное (патогенное) воздействие на еще не окрепшую формирующуюся психику ребенка. Внешне «спокойная» семья зачастую лишь скрывает за своим респектабельным фасадом длительно подавляемые, вытесненные негативные чувства супругов друг к другу. В такой холодной, эмоционально стерильной и отстраненной атмосфере ребенок становится психологически беспомощным; у него неумолимо развивается диффузное чувство хронической тревоги. Ощущая разлитую в воздухе невидимую угрозу, дошкольник не может локализовать ее реальный источник, что неизбежно ведет к тяжелой невротизации, нарушениям сна и полной потере базового доверия к миру.

Диаметрально противоположный деструктивный тип – это «вулканическая» семья, вся жизнь которой представляет собой бесконечную череду бурных

выяснений отношений, грандиозных аффективных скандалов и столь же экспрессивных примирений. Эмоциональная спонтанность взрослых здесь полностью подавляет и растворяет чувство родительской ответственности. Дети в таких взрывоопасных семьях испытывают колоссальные перегрузки центральной нервной системы, поскольку любая, даже пустяковая бытовая ссора родителей приобретает в детском эгоцентрическом восприятии катастрофические масштабы, разрушая ощущение экзистенциальной безопасности. Хронический дистресс в таких условиях часто конвертируется в соматическую патологию.

Не менее патогенна для развития личности «семья-санаторий», где внешняя солидарность лишь маскирует симбиотическую, глубоко болезненную зависимость партнеров. Мелочная гиперопека, жесткий тотальный контроль каждого самостоятельного шага ребенка и патологическая защита его от реальных и вымышленных микро-опасностей намертво блокируют естественное развитие познавательной инициативы, делая ребенка социально инвалидизированным и не способным к принятию даже простейших самостоятельных решений в коллективе сверстников.

Специфические, глубоко укорененные личностные деформации возникают в дисгармоничной «семье-крепости». Фундаментом такого тревожного союза выступает устойчивая паранойяльная убежденность родителей в изначальной враждебности, коварстве и жестокости внешнего мира. Отношение к детям здесь строится на подозрительности и жесткой регламентации любых контактов с социумом. Внимание ребенка постоянно, изо дня в день фиксируется на его собственных негативных переживаниях и ожидании угрозы.

Совершенно иной механизм социальной дезадаптации действует в «семе-театре», где жизненным кредо становится перманентная игра на публику и стремление к внешнему социальному эффекту. Отношение к ребенку здесь продиктовано исключительно нарциссическим стремлением родителей скрыть его естественные, свойственные возрасту несовершенства и гипертрофированно продемонстрировать окружающим его мнимые или реальные достижения. Это неизбежно провоцирует ослабление механизмов самоконтроля у дошкольника,

тотальную потерю внутренней дисциплины и формирование манипулятивного эгоцентризма.

Крайне трагично, порой с необратимыми клиническими последствиями, складывается судьба дошкольника в конфигурации «семья – третий лишний». Этот деструктивный тип дисгармонии возникает в тех случаях, когда родительство бессознательно или вполне осознанно воспринимается супругами как досадная помеха их личному счастью, свободе и профессиональной самореализации. Скрытое эмоциональное неприятие приводит к тому, что ребенок растет крайне неуверенным в себе.

Контрастным, но ничуть не менее губительным вариантом выступает «семья с кумиром», где процесс бесконечного угождения ребенку становится единственным фактором, скрепляющим давно рушащийся брак. Воспитанный в атмосфере тотальной изнеженности, вседозволенности и слепого восхищения, такой дошкольник полностью утрачивает способность к критическому осмыслению своих поступков, воспринимая сверстников и педагогов лишь как обслуживающий персонал.

Когда родительские позиции в дисгармоничных семьях окончательно утрачивают свою пластичность и педагогическую гибкость, больная семейная система начинает выживать исключительно за счет жесткого распределения патогенных детских ролей. Роль «козла отпущения» цинично навязывается ребенку, когда инфантильные супруги проецируют свои неразрешенные внутриличностные конфликты на беззащитного дошкольника; он становится удобным громоотводом, расплачиваясь за это развитие тяжелых поведенческих девиаций, вспышек агрессии и психосоматических заболеваний.

Роль «любимчика» компенсаторно возникает в эмоционально мертвых браках, где зияющий коммуникативный вакуум заполняется удушающей, неестественной заботой, формируя у ребенка ипохондрический склад характера. Глубоко травматична и разрушительна роль «примирителя», которая вынуждает маленького ребенка заниматься парентификацией – противоестественным процессом, при котором дошкольник берет на себя ответственность взрослого,

постоянно регулируя и сглаживая супружеские скандалы. Хроническое пребывание в этой роли истощает нервную систему, приводя к раннему эмоциональному выгоранию.

Роль «бэби», в свою очередь, безжалостно вытесняет ребенка на периферию семейной общности; это удобный, вечно инфантильный член семьи, чье психологическое взросление и сепарация искусственно тормозятся взрослыми из-за панического страха родителей потерять объект опеки.

Единственным конструктивным противовесом от всех без исключения форм семейной дисгармонии выступает великий феномен безусловного принятия. В фундаментальных трудах выдающегося отечественного психотерапевта А.С. Спиваковской принятие трактуется как высшая форма взаимодействия в семье, абсолютно тождественная истинной, онтологической родительской любви [13, с. 210].

Принимать ребенка – значит безусловно, без оговорок утверждать право на существование именно этого конкретного человека со всем набором его уникальных возрастных свойств, достоинств и недостатков. Знаменитая формула принятия «люблю, потому что ты есть» кардинально отличается от условной, оценочной любви («я буду любить тебя, только если ты будешь удобным»). Принятие базируется на признании бесконечности развития личности и сознательном отказе от постоянной, изматывающей фиксации на слабостях ребенка в пользу ежедневного подкрепления сильных сторон его души.

В принимающей, психологически здоровой семье оценивается не личность ребенка в целом (не навешиваются стигматизирующие ярлыки «ты плохой», «ты ленивый»), а рассматривается исключительно его конкретный поступок. Данная концептуальная линия органично перекликается с гуманистическими идеями И. Ю. Кулагиной [9, с. 145], а также с глубокими теоретическими работами белорусского исследователя Е. А. Панько, рассматривающих принятие как абсолютно базовый принцип общения, неразрывно связанный с подлинной эмпатией и личностной конгруэнтностью взрослого [12, с. 88].

Однако, как справедливо и объективно отмечают исследователи, абсолютное, непрерывное принятие 24 часа в сутки является психологической утопией. В реальной, насыщенной стрессами педагогической действительности каждый родитель ежедневно балансирует между областями принятия и непринятия. Преобладание того или иного чувства детерминировано множеством пересекающихся факторов: типом высшей нервной деятельности родителя, его собственными неразрешенными детскими травмами, уровнем воспитуемости самого ребенка, а также ситуативными социальными триггерами. Тем не менее, родители, у которых область искреннего принятия стабильно доминирует, обладают высоким уровнем личностной толерантности и устойчивой позитивной Я-концепцией.

У «относительно не принимающих» родителей, напротив, превалирует когнитивная ригидность; они болезненно привязаны к негибким, авторитарным шаблонам.

Крайне опасным, разрушительным феноменом является так называемое «ложное принятие», когда за показной, фасадной заботой скрывается глухое, невысказанное раздражение. В психологии этот механизм описывается как «двойное послание»: на вербальном уровне мать произносит слова любви, но ее кинесика и мимика транслируют отвержение. Дошкольники, обладающие высочайшей сензитивностью к невербальным сигналам, мгновенно считывают эту фальшь, что приводит к развитию у них глубоких невротических реакций.

Эмоциональное неприятие (отвержение) рассматривается в современной клинической психологии и психотерапии (в фундаментальных трудах В.И. Гарбузова, А.И. Захарова) как наиболее драматичный, разрушительный фактор, ведущий к неотвратимому развитию тяжелых детских неврозов [3, с. 88], [5, с. 112].

Согласно исследованиям А.И. Захарова, хроническое отсутствие материнского тепла запускает патологические механизмы в центральной нервной системе, что проявляется в виде системных тиков, энуреза, заикания и фобических синдромов. Лишенные безусловной, живительной любви, дети пытаются компенсировать эту страшную нехватку самыми деструктивными способами: от

агрессивного эгоцентризма при подавлении темперамента до стойкого, патологического негативизма по отношению к любым нормативным требованиям социума при полном устранении родителей от воспитания. Ребенок усваивает страшный урок: если он не может получить позитивное внимание, он будет добиваться внимания негативного, провоцируя конфликты.

Личностные характеристики дошкольника теснейшим образом, неразрывно связаны со стилями родительского контроля. Как доказывают многолетние классические исследования, лишь авторитетный стиль, гармонично сочетающий высокий, но рационально объяснимый контроль с глубокой эмоциональной теплотой, способен сформировать уверенных в себе и инициативных детей.

В своем фундаментальном труде «Семейное воспитание ребенка и его значение» П.Ф. Лесгафт убедительно показал, что ведущим фактором нравственного развития выступает не социально-экономический статус семьи, а ее психологический микроклимат. Согласно его типологии, систематическое унижение личности приводит к формированию конформно-лицемерного типа поведения, а не критичное восхищение – к развитию эгоцентризма. Ученый обосновал важнейший педагогический тезис о том, что материальные дефициты не оказывают фатального влияния на развивающуюся личность, если в семье сохраняется поддерживающая эмоциональная среда. Однако эмоциональная депривация и исчезновение родительской эмпатии неизбежно ведут к глубокой невротизации дошкольника, блокируя его познавательную активность и формируя устойчивые негативные, депрессивные установки по отношению к окружающему миру [10, с. 154].

Опыт семейного взаимодействия глубоко, на бессознательном уровне интериоризируется дошкольником, формируя его базовую внутреннюю позицию, которая, согласно концепции Г.Т. Хоментausкаса [16, с. 112], определяет все его будущие социальные диспозиции и жизненные сценарии.

Установка «я нужен и любим» формируется исключительно в здоровой, принимающей среде. Позиция «я – все, вы – ничто» с неизбежностью рождается в семьях с патологическим культом ребенка.

Установка «я не любим, но хочу приблизиться» свойственна глубоко травмированным детям, которые унижают себя ради одобрения.

Наконец, самая трагичная позиция «оставьте меня в покое» возникает при полной, окончательной потере веры в спасительную любовь, погружая психику ребенка в глубокую аутистическую изоляцию и эскапизм.

В контексте реализации государственных образовательных стандартов России и Беларуси (ФОП ДО и Учебной программы ДО) деятельность педагогов и психологов дошкольных учреждений должна претерпеть качественную, парадигмальную эволюцию. В современных учебно-методических комплексах, сопровождающих реализацию Учебной программы дошкольного образования Республики Беларусь (А.Л. Давидович, Е.И. Смолер), особо подчеркивается, что успешная социализация ребенка абсолютно невозможна без выстраивания единого ценностного пространства и тесного, доверительного партнерского взаимодействия педагогов с законными представителями воспитанников [4, с. 6]. При этом стратегическая цель современной психолого-педагогической службы – это активное просвещение родителей, бережная трансформация их заостренных установок из режима жесткого контроля в режим эмпатийного партнерства [6, с. 52].

Специалист ДОО призван не просто констатировать факт семейного неблагополучия, но всеми силами помочь семье осознать свои защитные механизмы и разорвать порочный деструктивный круг «неуспех ребенка – родительское порицание – рост детской тревожности – новый неуспех». Фокусируя внимание родителей на микро-достижениях ребенка, деликатно обучая их техникам позитивного подкрепления, активного слушания и конструктивного разрешения конфликтов, педагогический коллектив создает тот прочный, нерушимый фундамент, на котором базируется формирование психологически здоровой, суверенной и гармонично развитой личности. Системная психолого-педагогическая работа с семьей является главной несущей конструкцией современного образования, обеспечивающей реализацию глобальной исторической задачи Союзного государства – воспитание психически благополучного, социально компетентного и высоконравственного поколения.

Список литературы

1. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – СПб.: Питер, 2008. – 398 с.
2. Выготский Л.С. Психология развития ребёнка / Л.С. Выготский. – М.: Эксмо, 2019. – 512 с.
3. Гарбузов В.И. Неврозы у детей и их лечение / В.И. Гарбузов. – М.: Медицина, 1990. – 160 с.
4. Давидович А.Л. Мир, в котором я живу: учебно-методическое пособие для педагогов учреждений дошкольного образования с русским языком обучения / А.Л. Давидович, Е.И. Смолер. – Минск: Национальный институт образования, 2020. – 208 с.
5. Захаров А.И. Происхождение и психотерапия детских неврозов / А.И. Захаров. – СПб.: Скифия, 2017. – 336 с.
6. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования / О.А. Карабанова. – М.: Гардарики, 2020. – 320 с.
7. Кодекс Республики Беларусь об образовании: от 13 января 2011 г. №243-З: с изменениями и дополнениями на 2024 год. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. – 400 с.
8. Коломинский Я.Л. Психология детского коллектива: система личных взаимоотношений / Я.Л. Коломинский. – Минск: Народная асвета, 1984. – 239 с.
EDN EONCBVD
9. Кулагина И.Ю. Возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека / И.Ю. Кулагина, В.Н. Коллюцкий. – М.: Сфера, 2021. – 464 с.
10. Лесгафт П.Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение / П.Ф. Лесгафт. – М.: Юрайт, 2023. – 217 с.
11. Оболевич А. Актуальные направления в работе с законными представителями воспитанников / А. Оболевич // Пралеска. – 2024. – №6. – С. 5–7.
12. Панько Е.А. Психология деятельности воспитателя детского сада / Е.А. Панько. – Минск: Вышэйшая школа, 1989. – 156 с.

13. Спиваковская А.С. Психотерапия: игра, детство, семья / А.С. Спиваковская. – Т. 2. – М.: Апрель-Пресс, 2018. – 464 с.

14. Учебная программа дошкольного образования / Министерство образования Республики Беларусь. – Минск: Национальный институт образования, 2023. – 384 с.

15. Федеральная образовательная программа дошкольного образования: текст с изменениями и дополнениями на 2024 год. – М.: Эксмо, 2024. – 256 с.

16. Хоментausкас Г.Т. Семья глазами ребенка / Г.Т. Хоментausкас. – М.: Книжный клуб «Радуга», 2021. – 224 с.